

Б О Л Ь Ш Е ОТВЕТСТВЕННОСТИ

они были вместе, они жили интересами театра. И когда заболела В. Давыдова, она звонила

М. Максакоской, и спектакль не срвался. Так же делали А. Пирогов и М. Рейзен, И. Колуповский и С. Лемешев, Н. Ханаев и Г. Налеп и многие, многие другие.

Почему сейчас этого нет?

Почему мое личное мнение (кстати, стюдь не обязательное) о том, каков должен быть по возрасту Томский, приводит к тому, что все исполнители этой партии, узнав о моем мнении, берут за день и в день спектакля большие листы и в спектакле «Пиковая дама» на сцене Большого театра выступает артист не из состава исполнителей этой партии?

Потому что «я» у этих и некоторых других артистов стоит на первом плане, потому что свои личные интересы, обиды и недовольства они противопоставляют интересам театра.

Я думаю, что снижение требовательности — и руководства и артистов — и приводит к тому, что мы проходим мимо недостатков не только организационных, но и профессиональных. И здесь я не могу не согласиться с Г. Вишневецкой, которая справедливо сказала на собрании о том, что безответственность и руководство и артистов взаимосвязаны: если считается возможным выпустить артиста в спектакле без оркестровой репетиции, то какие могут быть к нему претензии — ведь он может считать, что он лично этого доверия достоин.

Права Г. Вишневецкой и в том, что нельзя никому и никогда извинять фальшивое пение, что надо контролировать выступление артистов, и особенно в новых партиях, и особенно молодежи.

Пусть те, кто прочтет мою статью, поймут меня правильно: я нисколько не снимаю ни с себя, ни с руководства оперной труппы и театра ответственность и за все положение дел в труппе в смысле дисциплины и за происшедшее 14 марта.

Мы, руководители, конечно, примем все меры к тому, чтобы подобных случаев больше не было, мы, конечно, усилим требовательность и к себе и к артистам, конечно, постараемся исправить недостатки, проистекающие по нашей вине.

Но я хочу верить, что солисты оперы Большого театра пересмотрят свое отношение к искусству, к театру, что девизом их творческой жизни будет не что театр дал мне, а что я дал театру, искусству, народу. И что наша дальнейшая деятельность будет идти и оцениваться с позиций высоких требований советского искусства.

Е. СВЕТЛАНОВ,
народный артист РСФСР,
главный режиссер
Большого театра.

Соб. артисты 1964, 24 марта

Большие и серьезные задачи стоят перед коллективом театра и КДС, высокие требования предъявляются нам общественностью и народом, огромная ответственность должна пронизывать всю работу нашего коллектива в целом и каждого работника в отдельности.

С позиций повышенной требовательности мне и хотелось бы поделиться некоторыми своими соображениями о происшедшем недавно в коллективе солистов оперы.

17 марта в оперной труппе состоялось общее собрание, в повестке дня которого был один вопрос — состояние дисциплины.

Сам факт подобного рода собрания говорит о том, что вопрос грудной, творческой, производственной дисциплины в оперной труппе не на высоте. Мало того, серия отмен объявленных в афише спектаклей, вопиющий случай нарушения творческой дисциплины солистом оперы А. Волыняковым на спектакле «Травиата» 14 марта, приведший к художественному браку спектакля, должны были определить собрание как чрезвычайное.

Но, несмотря на то, что в ходе обсуждения упомянутых выше вопросов выступили 16 человек, и некоторые из них говорили горячо и эмоционально, высказывали верные замечания, в общем дух собрания, к сожалению, не свидетельствовал о том, что все солисты оперы, вся труппа понимают серьезность создавшегося положения.

Позволю себе вкратце пересказать в этой статье то, о чем я говорил на собрании.

14 марта должен был идти спектакль «Повесть о настоящем человеке». Ввиду болезни всех исполнителей партии Алексея «Повесть» была срочно заменена спектаклем «Травиата». Не буду останавливаться на том, как трудоемко стоило организовать состав участников «Травиаты» за весьма ограниченное количество времени, скажу лишь, что некоторые из участников, как справедливо заметил А. Соколов, рассматривали свое выступление в спектакле достаточно ответственно.

И вот во втором акте «Травиаты» солист оперы А. Волыняков вышел на сцену настолько не в форме, так «апель» и «играл», что руководство вынуждено было закрыть занавес во время действия, давть объяснения зрителям, задержать антракт с тем, чтобы найти артиста Е. Велова и подготовить его к выходу в третьем акте.

Этот беспрецедентный случай в истории Большого театра, естественно, вызвал необходимость обсудить его на собрании всей труппы.

К тому же отмена спектакля советского композитора на современную тему также требовала незамедлительного обсуждения.

И вот началось собрание. Выступает один, другой, третий... Многие говорят о себе, своих недостатках, своих претензиях, рассказывают (и довольно подробно) свою биографию. И только серьезные люди говорят о коллективе, его работе, о театре, его чести.

И хотя в оперной труппе произошло чрезвычайное происшествие, в ходе собрания этого не чувствовалось.

Я считаю, что приговорный случай 14 марта и тот собрания был таким потому, что за последние годы (а не 2—3 месяца) среди ряда артистов снизилась понимание высокого долга советского художника, работа в теат-

ре стала рассматриваться не как творческий процесс и стремление отдать все свои силы и таланты искусству, театру, а как желание получить от театра как можно больше. Интересы театра стали противопоставляться и подменяться своими личными интересами (в ряде случаев и творческими), некоторые артисты перестали помнить, что они в театре для зрителя, что для него, то есть для народа, они поют и играют на сцене лучшего оперного театра страны.

Ведь зритель приходит в наш театр равный. Но каждый из них приходит для того, чтобы узнать что-то новое, увидеть и услышать тех и то, что его интересует, приходит за духовной и эстетической пищей. И если поставить себя на место тех зрителей, которые купили билеты, чтобы посмотреть именно «Повесть о настоящем человеке», а попали на «Травиату», да с таким художественным браком, то станет ясно, что театр в этот день обманул зрителя дважды, не оправдал его доверия и той требовательности, которые справедливо к нам предъявляются.

Доказать артистам, что это был несчастный случай, нельзя. Они вышли из зрительного зала и в фойе справедливо нас ругали.

Все, что произошло 14 марта, нельзя рассматривать как случайность. Я считаю, что это результат ослабления и даже падения дисциплины в оперной труппе.

Очевидно, много упреков можно сделать и в адрес руководства театра. И прав С. Лемешев, говоря, что в театре не чувствуется творческой атмосферы, все куда-то спешит, все чем-то занято, а большой и серьезный ответственности за общее дело каждый не ощущает и не несет.

Я согласен с С. Лемешевым и в том, что наши артисты слишком легко и часто берут большие листы, в то время как на гастролях никто и никогда не берет.

А у меня лично вообще создается впечатление, что большие листы у нас не только легко берут, но и легко дают. И это тоже результат безответственности — ведь легче считать сомнительного артиста большим, чем попытаться принять меры и помочь ему быть работоспособным.

Отмена спектаклей происходит, на мой взгляд, еще и потому, что среди ряда артистов нет подлинного товарищеского отношения, нет (если можно так сказать) традиции взаимной выручки, которая существовала раньше. Я помню, что прежде артисты могли не дружить в жизни, но в творческой жизни театра